

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ПОЛЮБИЛ ЛИБЕРАЛ НАЦИОНАЛИСТА...

Историческая передышка, переживаемая сегодня Россией после бурных и трагических перемен в нашей стране и перед роковыми и катастрофическими событиями, надвигающимися на весь мир, обозначает не что иное, как переходный период от одного вполне определённого общественного проекта (устройства) к другому.

Причём вполне понятно, с чем мы расстались: советский строй, коммунистическая парадигма и перспектива, развитой социализм. Это всё разрушено, развенчано и не имеет шанса на восстановление.

Гораздо менее понятно, что – какое общество – нас ожидает. Разрушительным для прежнего строя тараном послужила либерально-демократическая идея, легшая в основу преобразований (“реформ”) и обусловившая важнейшие опоры нового строя в экономике. Однако судьба данной идеи настолько очевидно под вопросом, что многие её адепты открыто говорят о крахе либерального проекта и о том, что он не имеет будущего в России.

Логика истории подсказывает, в том числе на примере всех без исключения бывших республик СССР, что нам суждено развиваться в сторону национального государства. Однако никаких гарантий для такого развития я лично не вижу, хотя хотел бы видеть. И напротив: вижу многие факторы и силы, противодействующие ему. Как консервативные, травмированные переменами и ностальгирующие по имперскому (в том числе советскому) “светлому прошлому”, так и числящие себя на службе прогресса и отрицающие саму идею национального государства во имя торжества нового “светлого будущего” – глобализма-космополитизма и неограниченных либеральных ценностей. Не говоря уж о тех контингентах, имеющих власть, для которых установление национального государства будет означать конец вседозволенности и раздробивания страны.

Таким образом, сегодня в России включены и действуют весьма мощные движущие силы истории, но имеющие разнонаправленные векторы. Наше общество преисполнено национальными и социальными противоречиями, как никогда с 1917 года. Нелепо думать, что разрешение этих противоречий будет безболезненным. Это не значит, что нас ждут в открытом виде революция и гражданская война – для этого у нас слишком низкая рождаемость, а с ней и пассионарность, готовность идти на жертвы и т. д. Но неготовность идти на жертвы не означает, что их удастся избежать. Желаящего судьба ведёт, говорили древние, а нежелающего – тащит.

Среди наиболее влиятельных общественных сил, формирующих образ будущей России, мы видим две, на мой взгляд, взаимоисключающие: либера-

лов и русских националистов. У первой – огромные ресурсы: финансовые, информационные, организационные (особенно если учесть, что либералы-западники составляют основу как оппозиционной контрэлиты, так и правящей элиты). И практически полное неприятие у абсолютного большинства, свыше 90%, граждан России. У второй – максимальная динамика роста, огромная скрытая (латентная) поддержка населения. И практически полное отсутствие вышеозначенных ресурсов.

Такой расклад порождает мечты и надежды у каждой из сторон. У либералов – как бы попользоваться народной поддержкой за счёт националистов. У националистов – как бы обрести толику ресурсов за счёт либералов. В результате принципиальные политические противники порой оказываются склонны к вполне беспринципному политическому союзу. Так возникает противоестественный проект национал-либерализма, сочинителей которого можно встретить по обе стороны баррикад.

Почему я считаю такой проект противоестественным?

Либерализм и национализм в принципе противоположны – истинно, онтологически. Как минимум, по двум причинам.

Во-первых, если либерализм выражает идеалы и мотивы индивидуализма, то национализм, как и социализм, выражает идеалы и мотивы холизма (от английского *whole* – целый). Индивидуализм постулирует приоритет личности над обществом и государством, холизм – наоборот, постулирует приоритет общественного (классового либо этнического), а значит, и государственного, над личным. При этом социализм имеет в виду классовый аспект холизма, а национализм – этнический.

Во-вторых, западничество, неотделимое свойство либерализма, в принципе не пристало какому бы то ни было национализму, кроме национализма стран и народов Запада, к которым Россия и русские не относятся. Отрицание русского национального своеобразия в пользу европейской идентичности однозначно свидетельствует: перед нами не русский националист – либо и вовсе нерусский националист. По определению, не может быть националистом тот, кто добровольно предпочитает чужую идентичность своей собственной, природной, кто чужой эталон ставит выше своего. Это самоочевидно.

Здесь не место подробному рассмотрению этой проблемы. Достаточно, если читатель поймёт простую вещь: быть одновременно националистом и последовательным либералом нельзя в принципе. Эти позиции не сочетаемы.

Обеспокоенность либералов

Несовместимость либерализма и национализма вызывает сегодня обеспокоенность либералов, как залог их исторической обречённости в России.

Это связано с тотальным неприятием в нашей стране “реформ”, продиктованных либералами, начиная с Гайдара. Огромное большинство интеллигенции – причём именно второго порядка, то есть обслуживающей духовные потребности самой интеллигенции – оказалось на мели в царстве чистогана, испытывает нужду и разочарование. И это не фантомные боли в отрезанной “социалистической ноге”, а результат вполне объективного сравнения нынешнего положения, скажем, профессуры или писательского корпуса с положением их при советской власти. Да, правдолюбцам и правдоискателям диссидентского склада было плохо в СССР, но их-то ведь было меньшинство! Можно не обращать внимания на ностальгирующих ветеранов культурного фронта, но достаточно прочесть, к примеру, книгу Валентины Антиповой “Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы” (М., 2005), чтобы ощутить гигантскую пропасть между нашим временем и той эпохой, когда государство по-настоящему заботилось о своём интеллектуальном резерве.

Но самое главное: перспектива коренных перемен в условиях жизни как интеллигенции, так и абсолютного большинства русского населения даже не просматривается. И причина этого, как совершенно верно отмечают наши либералы (например, прозорливый Игорь Юргенс), заключается в самом русском населении, которое отнюдь не собирается переделывать свою ментальность, менять образ мысли и деятельности. За двадцать постперестроечных лет в корне изменилась вся наша жизнь, её основы и принципы обустройства, а вот лестница приоритетов у нашего народа осталась практически неиз-

менной. Об этом свидетельствуют социологические опросы. “Например, на вопрос: “Какое у вас самое заветное желание?” – 23% россиян пожелали “жить в гармонии с собой и окружающим миром”, “обрести настоящее счастье” (11%), “найти счастье в браке”, “избавиться от неуверенности”. Порой они желают “улучшить свое материальное положение”, очень редко – “открыть своё дело” или “совершить выгодную сделку” (1%)”¹.

Мечтательный и непрактичный характер русского человека чётко виден в этих цифрах: непонятно, как можно улучшить своё положение, если не заниматься предпринимательством? Только на чудо, на *щучье вельенье* надеяться... Или, что привычнее, а главное – органичнее для нас, – на государство.

Когда мы сетуем на слабость и незрелость на данном этапе русского национального капитала, на непропорционально большое количество нерусских бизнесменов, следует вспомнить приведённые данные. Русский человек вполне способен развивать предпринимательскую деятельность (примеров много), но в массе своей не желает этого делать. Государственный патернализм для русских – не просто привычный образ мысли, но фундаментальная основа мировоззрения: если наше государство о нас не заботится – на черта оно вообще нужно?! Логика железная.

Понятно, что при таком раскладе, когда 99% населения внутренне не стремится ни открыть своё дело, ни совершать выгодные сделки, шансов обрести деньги, а с ними свободу от государства, у этих людей нет. Что им, в таком случае, либеральная пропаганда? Колебание воздуха, не более того.

Понятно, что либеральный проект с неизбежностью должен был провалиться – и провалился – таки в России. В ходе политических баталий, растянувшихся на всю предвыборную, выборную и поствыборную кампанию 2011–2012 годов, выяснилось, что либерально настроенная публика составляет чуть более 7% населения (её совокупное количество выражает число проголосовавших за Михаила Прохорова, консолидировавшего голоса этого контингента), в то время как публика патриотического толка, категорически не принимающая либерального курса и готовая предпочесть ему что угодно и кого угодно (совокупный электорат Путина, Зюганова, Жириновского и Миронова), представляет свыше 90%.

Задолго до выборов свой провал отметили, скрепя сердце, наиболее умные, дальновидные либералы. И отреагировали по принципу: “Не можешь удушить – возглавь!” Все мы знаем этот классический принцип, изложенный ещё в “Катехизисе еврея в СССР”. Поэтому не приходится удивляться, что уже давно в либеральных кругах (преимущественно еврейских) не прекращаются попытки *пожечь* либерализм с национализмом. По мере усиления позиций национализма такие попытки усиливаются.

Вначале активнее других этим занимался директор Института национальной стратегии Станислав Белковский и аффилированные с ним структуры и люди. С этой целью им была инспирирована 8 июня 2008 года конференция “Новый политический национализм”, на которой сложился альянс ряда русских организаций (ДПНИ, “Великая Россия”, РОД) с набравшим известность Алексеем Навальным, только-только ещё выскочившим из “Яблока”, но имевшим репутацию либерала. Комментируя это событие четыре года назад, газета “Коммерсантъ” писала: “Главное, что удалось договориться с Навальным, который возглавил кампанию против экстремистов, добился, что лозунги типа “Россия для русских” сняты, развернул дискуссию, в частности, о цивилизованном обращении с мигрантами”². А сам Белковский откомментировал создание коалиции так: “Предмет этого собрания состоял, в первую очередь, в поиске идеологического синтеза, то есть соединения социальных, националистических и либеральных идей. Два года назад я назвал это национал-оранжизмом. Именно этот синтез обеспечил успех оранжевой революции на Украине в 2004 году, а в 2003-м – приход Михаила Саакашвили к власти в Грузии”³.

¹ Цитата из кн.: Сергеева А. В. Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов). Книга для чтения о русском национальном характере. М., Изд-во ЗАО “Русский язык”, 2010.

² <http://www.warweb.ru/GetMaterial.asp?Page=716062008>.

³ <http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.137628.html>.

Мероприятие оказалось с дальним прицелом: посеянные тогда всходы весьма густо взошли на Болоте имени Сахарова. Успех?..

Помимо Белковского той же проблемой – синтеза национализма и либерализма – озабочены и иные инстанции, к примеру, Высшая школа экономики и её шеф, бывший учитель Егора Гайдара и министр в его правительстве Евгений Ясин. Учебник Т. Сидориной и Т. Поляникова “Национализм. Теории и политическая практика”, подготовленный для ВШЭ, в значительной мере посвящён решению этой задачи.

Далее. Как стало известно, именно фонд “Либеральная миссия” проводит исследование “Национальная политика: либеральный проект” под руководством Эмиля Абрамовича Паина, долгое время бывшего советником по национальной политике у Ельцина. Первый семинар в рамках проекта был посвящён... проблеме русских в России, истории и перспективам государственной национальной политики в отношении этнического большинства нашей страны. Эти вопросы обсуждали участники проекта Игорь Кузнецов, Владимир Мукомель, Эмиль Паин, а также их единомышленники и оппоненты Лев Гудков, Надежда Лебедева, Валерий Расторгуев. Вёл обсуждение Евгений Ясин.

Как видим, проблемой синтеза либерализма и национализма давно и всерьёз занялись наиболее острые, продвинутые умы противника. Налицо их общая нешуточная озабоченность и общее направление усилий. Удержать власть над Россией с помощью компромисса и/или альянса с националистами, чьего неизбежного возвышения они не без оснований опасаются, – вот их сверхзадача.

Для этого необходимо перехватить инициативу в национальной политике. Прежде всего – в её стратегическом аспекте: переходе к Русскому национальному государству.

Решению этой задачи оказались посвящены усилия ряда представителей либеральной мысли, причём как в России, так и за рубежом.

Либералы за Русское национальное государство. Игорь Яковенко

Едва ли не первая попытка в интересующем нас направлении была предпринята Игорем Григорьевичем Яковенко, доктором философских наук, профессором кафедры истории и теории культуры РГГУ, правозащитником, членом правления фонда “Институт развития”, Ассоциации политических экспертов и консультантов, Философского общества РАН, Научного совета по комплексной проблеме История мировой культуры РАН и т. д.

Яковенко – личность незаурядная. По базовому образованию – инженер-механик (Московский лесотехнический институт). Если верить Википедии, в 1999 году защитил кандидатскую диссертацию, а через год, в 2000 году, сразу же докторскую по теме “Национальные интересы как социокультурный феномен. Теоретический анализ на примере России”. В 2005-м в соавторстве с А. Ахиезером и И. Клямкиным выпустил книгу “История России: конец или новое начало?”, а в 2011 году в соавторстве с А. Музыкантским – “Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации”.

В “Автобиографии”, размещённой в Рунете, он написал о себе в третьем лице так: “Яковенко развёрнуто исследует проблему соотношения либерального и традиционного сознания, динамику утверждения либеральных ценностей, те коллизии, которые возникают в ходе утверждения либеральных идей в России”.

Эта интригующая заявка вполне адекватно расшифрована им в публичной лекции, опубликованной в “Новой газете”:

“Масштаб кризиса, который переживает Россия, не осознан. Его прячет в подсознание слабая человеческая психика, маскирует идеология, затушевывает благоприятная конъюнктура цен на энергоносители. Реально Россия сходит с исторической арены.

Альтернатива радикальной трансформации – распад социокультурной целостности России (русский мир, русская цивилизация). Либо эта территория попадает в другие цивилизационные круги, и местное население включается в эволюцию, по преимуществу заданную неимманентной логикой. Либо на этих пространствах происходит новый цивилизационный синтез, и рождается качественно новая цивилизационная модель.

Локальная цивилизация в ситуации кризиса исторического снятия обречена на трансформацию, поскольку системообразующие основания перестали эффективно вписывать носителя культуры в мир. Система культуры переживает распад, связи между элементами ослабли, “твёрдые” носители традиционного качества маргинализированы и т. д. Произошло самое главное – культура критически утратила эффективность. Массы носителей не осознают и не формулируют этого. Данная истина табуирована к осознанию и произнесению. Однако люди переживают и схватывают это обстоятельство на дорацио-нальном уровне и соответственно выстраивают своё поведение.

После 1990 года из СССР/РФ выехало не менее 5 млн человек. Масштаб процесса свидетельствует о том, что качественная дистанция между советским/постсоветским русским и средой евроатлантической цивилизации уменьшилась настолько, что модернизированные русские легко включаются в западный мир. Латвия и Литва дали миру феномен “еврорусских”. Там исходно русскоязычные эффективные бизнесмены и менеджеры легко вписываются в европейские структуры и составляют серьёзную конкуренцию местному бизнесу. Иными словами, стоит убрать имперский эгрегор и поместить прагматичного русского в нормальное социокультурное пространство, как он начинает жить в соответствии с иными нормами, ценностями и ориентирами. Разумеется, такая перестройка требует мобилизации всех экзистенциальных ресурсов и обходится дорого, но она возможна, и это – главное. . .

Необходима сознательная стратегия разделения общества на людей вчерашних и сегодняшних. Вчерашним создают комфортную социально-культурную среду и условия пристойного доживания. Сегодняшним – пространство адекватного саморазвития, дистанцированного от исчерпавшего себя исторического качества¹.

Что ж, вполне ясно выраженная стратегия классического прозападного либерала. В соответствии с нею выстраиваются рекомендации с позиций акцентированного индивидуализма:

“Российская традиция есть традиция социоцентричного общества. Необходимо трансформировать этот комплекс и сформировать персоноцентристскую целостность. Это можно сделать единственным способом: разрушая ядро отторгаемой системы. . .

Самая жёсткая борьба приверженцев старого и нового в данном случае – самый короткий и наиболее надёжный путь инверсии, закрепляющей новую установку. Следование изживаемым ценностям должно быть связано со смертельной опасностью”.

Коротко, ясно, откровенно, без сантиментов. Вопреки только что данному обещанию обеспечить вчерашним людям “комфортное доживание”.

Никакого “доживания” не будет. Перед нами не что иное, как объявление войны не на жизнь, а на смерть: от лица либералов – всему русскому народу, всей России, какая она есть и какой, по их мнению, больше быть не должно.

Методы войны предлагаются самые разные – от вышеобъявленных физических (на уничтожение) до ментальных. Не мытьем, так катаньем. Например, путём отказа от русских народных сказок, воспитывающих “не ту” личность.

Или путём воспитания поколений циничных демагогов, способных с одинаковой убедительностью доказать прямо противоположные тезисы: “В старших классах дискуссия устраивается регулярно. Каждый учащийся должен несколько раз выступать в дискуссии. Учащиеся должны выступать с взаимоисключающих позиций: за введение смертной казни и за отмену, за автократию и за демократию, за империю и за национальное государство. . .”. Наличие убеждений и принципов этой схемой не предусмотрено, они попросту выжигаются калёным железом при такой системе воспитания.

Или таким путём: “Стратегия разрыва преемственности в воспроизводстве социокультурной целостности. Необходимо обучение за рубежом. Должно сложиться неписаное правило: начиная с некоторого уровня (руководитель федерального департамента, замминистра, начальник отдела канцелярии администрации, парламента и премьера, генерал-лейтенант) обязательно высшее образование за рубежом, связанное с проживанием за границей не менее четырёх лет. Учёба за рубежом должна стать нормальной практикой для тех, кто же-

¹ Игорь Яковенко. Что делать? Публичная лекция. Новая газета, № 29, 16.03.12. – <http://www.novayagazeta.ru/arts/51633.html>.

лает делать карьеру в России. А армия должна будет делать это в обязательном порядке, направляя на обучение, скажем, 500 молодых офицеров каждый год”.

Сверхзадача всех подобных манипуляций одна: полный отказ от русской идентичности и безоглядное встраивание в “европейский контекст”. Главная задача – голубая мечта либерала: радикально переделать “мышей в ежиков”, русских – в европейцев. Не стесняясь средствами. Так сказать, полная и безоговорочная капитуляция русскости перед лицом победителя – Запада.

Однако, как ни странно, ещё в 1996 году Игорь Яковенко опубликовал статью под названием “От империи к национальному государству. Попытка концептуализации процесса”¹, проявив недюжинную дальновидность и предвосхитив развитие дискурса.

О чём там говорится? Да вот именно об этом же самом.

Обширная статья Яковенко носит чисто теоретический характер. Здесь автор ещё избегал практических рекомендаций и даже не давал таких капитальных общих установок, как в цитированном выше тексте. Зато он первым как теоретик с такой откровенностью выразил истинный политический интерес либерального сообщества: **“Нас интересует проблема: как развести исторические перспективы образующего государство этноса в империи, с одной стороны, и национальное государство – с другой”**.

Что это значит? А вот что. Империя как форма политического бытия России себя изжила и неизбежно будет заменена национальным государством. Как бы сделать так, чтобы это национальное государство не стало русским, не жило по-русски? Задача кажется невозможной, но надо чётко поставить её и тем самым сделать первый шаг к её решению. Свой окончательный ответ Яковенко предложит спустя много лет – в 2012 году, через “Новую газету”.

Свою статью 1996 года Яковенко начинает со вполне банальной констатации того факта, что все империи рано или поздно заканчивают своё существование, давая жизнь вызревшим в их недрах национальным государствам. Автор настаивает на этом отнюдь не потому, что чаёт прихода Русского национального государства и стремится обосновать и ускорить его приход. Нет; но как демократ и либерал, Яковенко особенным образом экстраполирует свой вывод на судьбу СССР, которому не симпатизирует: “В советской версии империя дожила до середины 80-х годов нашего века, когда имперский принцип полностью исчерпал себя, и стала последней из мировых империй. Её крах закончил эру великих империй в истории”.

Впрочем (опять-таки как демократ и либерал), Яковенко ещё менее расположен к империи Романовых, в сравнении с которой он даже готов признать ряд преимуществ СССР: “Стадиально Советский Союз был безусловным шагом вперёд относительно унитарной Российской империи. В рамках СССР складывались основы регионального представительства, формировались местные элиты, развивались национальные культуры колониальных окраин. Наконец, формировались национально-освободительные движения. Всё это и составляет объективное содержание истории посттеократических империй. В советской скорлупе вызревали организмы будущих независимых государств”.

Разумеется, со всем сказанным можно бы и поспорить. Во-первых, нет никаких оснований хоронить имперскую идею, которая лишь изменила свои масштабы в эпоху глобализации и ярко проявляется, например, в лице неоколониальной империи США. Тот факт, что конкретный СССР – ещё вчера сверхдержава – неожиданно и добровольно сошёл с дистанции и лишился возможности определять судьбы мира, ничего не меняет в принципе. Во-вторых, на мой взгляд, все перечисленные отличия Советского Союза от Российской империи есть свидетельство нашей глубокой деградации, а вовсе не “шаг вперёд”. Ведь именно указанные обстоятельства и обеспечили крах страны. Но в данном случае все эти замечания не так уж и важны.

Куда важнее отметить серьёзное противоречие в рассуждениях Яковенко. Дело в том, что он, как положено философу-идеалисту, преувеличивает роль идей в истории человеческих сообществ (знакомый нам со времён Просвещения и давно развенчанный тезис “идеи правят миром”). Он считает, что “базовым интегратором национального государства выступает нация. Нация обнаруживается в национальном самосознании, которое и выступает как сила, рожающая и воспроизводящая такое государство”.

¹ Полис, № 6 (36), 1996. С. 117–128.

Это смелое заявление не имеет под собой почвы: национальное самознание никогда в истории не являлось первопричиной государства, создание какового диктуется совсем другими обстоятельствами. Яковенко же усугубляет свой тезис применительно к такой специальной форме государства, как империя:

“Со становлением мировых религий империя – это, прежде всего, Идея. Средневековым человеком империя осознавалась как проекция высших сакральных истин на пространство геополитической реальности, как воплощение Божьих Замыслов. ... Если базовый интегратор национального государства – нация, то базовый интегратор традиционной империи, на наш взгляд, – Идея. Она воплощается в ценностях Веры (идеологии) и особом социокультурном комплексе – имперском сознании. ... Рациональный компонент имперского понимания собственных интересов неотвратимо сочетается с иррациональными сверхцелями”.

Разумеется, имперские экспансии и аннексии всегда требовали религиозной или, на худой конец, идеологической санкции ради прикрытия амбиций имперского этноса и/или его элиты. Но принимать этот флёр за истинный движущий мотив имперского строительства может либо очень наивный, либо очень лукавый человек.

Зачем понадобился подобный тезис Яковенко? Не знаю. Возможно, он даже сам не до конца продумал его последствия, поскольку в свете данного тезиса каждому ясно, как Божий день, что у России сегодня не только нет, но и быть уже не может никакого имперского будущего. Потому что предложить новую интегрирующую разные народы идею или веру она не в состоянии. Ни Православие, ни коммунизм, отработавшие свой интеграционный ресурс, на эту роль уже не годятся, а ничего другого в обозримом будущем не предвидится. А значит, впереди может быть либо Русское национальное государство (главная скрепа – не идейная, а этническая, кровная), либо аннигиляция страны, раздел её территории и вымирание русских или их трансформация в новые этносы.

Мог ли присяжный либерал-западник сознательно внедрять такое понимание в умы читателей? Вряд ли. Однако понятное желание подорвать имперскую парадигму и/или помечтать об аннигиляции России и русских, видимо, заслонило альтернативу РНГ...

Лично я как историк-материалист не думаю, что идея может быть базовым интегратором (то есть основной скрепой) в обход нации, то есть государствообразующего народа, даже в империи. Разве единство СССР могло бы существовать на базе коммунистической идеи, если бы не было таких скреп (интеграторов), как русская нация, компартия, армия, КГБ?! Нет, конечно. Да и создан СССР был вовсе не идеей, а пулей и штыком, через войну, в том числе гражданскую, экспансии и зачистку национальных элит. Идеократы, бывшие в ничтожном меньшинстве, лишь шли вослед военным и чекистам, они могли воспитывать новые поколения, но не в силах были переделать мозги основной массе населения, воспитанной до революции.

Подобные примеры были и в древности. Скажем, индоарии вначале силой оружия завоевали, покорили дравидов Индостана и превратили их в низший класс, в шудру, а затем закрепили это классовое расслоение с помощью религии, законов Ману, превратив классовое общество в кастовое.

Но вот важнейший вопрос: может ли быть национальная идея, национализм интегратором империи? Как ни странно – да, может.

Примеры – два мощнейших имперских государства XX века:

1. Британская империя, которая никакой интегрирующей идеи не несла ни индейцам, ни индусам, ни шотландцам, ни ирландцам, кроме лютого английского национализма, хотя и не декларировала это. Правда, английский национализм, даже употреблённый по умолчанию, никого, кроме самих англичан, понятное, дело, интегрировать не мог. Но этого и не требовалось, пока у них была сила. А силу давала именно английская национальная (этническая) интеграция, английская солидарность, сплочённость – и ничто иное.

2. Третий рейх, который идею немецкого национализма, способную интегрировать, консолидировать, конечно же, только немцев, выразил вполне официально на государственном уровне. Что действительно сплотило немцев против всех, но зато и всех – против немцев.

Признаем, что какие-то универсальные сакральные цели ни британским,

ни германским проектом не предусматривались. Оба проекта были абсолютно и откровенно этноэгоцентрическими, хищническими и материалистическими.

Однако констатируем: в определённом смысле Великобритания и Третий рейх были в одном лице и империей, и национальным государством. Как видим, одно другого не исключает. Причём крах Третьего рейха вовсе не служит доказательством нежизнеспособности такого варианта, поскольку был обусловлен внешними причинами, которые не коснулись Великобритании, — и она уцелела в войне, хотя по внутренней националистической сути ничем не отличалась от Третьего рейха.

Как объясняет этот факт Яковенко? Он не касается напрямую этой выразительной пары, но утверждает, что “в истории Нового времени реализуются ещё две типологические единицы — колониальная империя и империя посттеократическая... Колониальные империи — образования паллиативные. Они возникали на фоне становящихся национальных государств. Молодая нация, исходя из эгоистических интересов, приращивала к своей территории заморские владения, превращая их в объект эксплуатации. При этом ни о каком взаиморастворении или создании единой целостности и тем более целостности, заданной трансцендентной Идеей, переживаемой как вселенский проект, не было речи”.

Казалось бы, это всё как раз о Великобритании и гитлеровской Германии. Но следующее утверждение Яковенко ставит его концепцию под сомнение: “Колониальные империи обладают заморскими территориями. Традиционные же, как правило, покоряют тех, кто рядом, хотя могут иметь и территории за морем. Если колониальные империи эксплуатируют, прежде всего, колонии, то традиционные часто эксплуатируют метрополию жестче, чем инородческие провинции”.

Перед нами явная натяжка. Я не вижу примеров таких “традиционных” империй, кроме России. Но один пример — это ещё не доказательство. Напротив, сравнение империй Великобритании (колониальной) и Третьего рейха (традиционной) опрокидывает данное суждение.

Таким образом, ничто не мешает нам подвести черту под рассуждениями Яковенко и сделать важный вывод: национальное государство, объединённое сознательным и жёстким национализмом “имперообразующего этноса” (такое определение находит Яковенко для русских, в частности), вполне способно существовать под именем империи, будь она “колониальной” или “традиционной”. Была бы на то воля.

Либералы за Русское национальное государство. Шломо Занд

Статья Яковенко оказалась первой ласточкой, заявившей важность темы русского национального государства (РНГ) для либерального дискурса. Но не последней.

Показательно свежее интервью, взятое журналом “Эксперт” у Шломо Занда, профессора Тель-Авивского университета и парижской Высшей школы социальных наук, где он защитил с отличием докторскую диссертацию¹. Занд — завзятый конструктивист, автор книги с характерным названием “Кто и как изобрёл еврейский народ”, в которой он, в соответствии с учением Бенедикта Андерсона, пытается уверить нас, что еврейской нации не существовало до XIX века, а её формирование происходило внутри националистических процессов Германии и других европейских стран. Наивное псевдоучение для ещё более наивных учеников, не сведущих в еврейской истории. Но нас сейчас занимает лишь его преломление в отношении России, её будущего.

Интересно вот что. Позиция известного либерального журнала, выраженная в тексте автора интервью Ольги Власовой, на первый взгляд, вполне националистична: “Без создания прочной нации страна не может надеяться на экономическое преуспевание, а без построения национального государства у России нет никаких позитивных перспектив”.

¹ См.: Ольга Власова. Будем ли мы строить нацию? Историческое окно возможностей для построения национального государства в России ещё не закрыто. “Эксперт”, № 21, 2013.

Получается, мы с ней заодно? Но автор тут же торопится очернить нас, своих главных конкурентов: “Правда, даже согласившись с необходимостью национального строительства, российское общество и государство не видит инструментов для начала этого строительства. А оттого зачастую становится жертвой маргинальных трактовок и течений (маргинальное по своему идейному строю движение русских этнических националистов разных видов или же сталинистов отпугивает своей риторикой разумную и активную часть общества, ищущую основания для формулирования своей идентичности)”¹.

За такими основаниями журнал обратился не к нам, а к Шломо Занду как верховному авторитету: на какой базе в России надо строить национальное государство...

И что же, какой ответ получен в результате?

Шломо Занд считает провальной теорию и практику национального строительства в России – как имперской (при Романовых), так и советской. При этом он исходит из классического конструктивистского представления о нации как о согражданстве:

“Русский национализм, укоренённый на основании Русской Православной Церкви, был недостаточно гражданским и открытым для вовлечения культурных и языковых меньшинств, таких как украинцы, поляки, литовцы и так далее... В XIX веке русский царизм не смог преуспеть в том, что удалось сделать, например, Франции и Англии, – создать такой вид открытого гражданского национализма, который мог бы вобрать в себя различные части Российской империи...”

1989-й и 1991 годы показали, что русский коммунизм не справился с национализмом, в то время как другим коммунистическим режимам это вполне удалось: возьмите Китай или Корею...”

Отсюда хорошо видно, что Занд является поборником именно фантомной “гражданской нации” и фантомного же “гражданского национализма”, настаивая на том, чтобы вместо ассимиляции происходило механическое включение в состав, например, русской нации таких меньшинств, как поляки или литовцы.

Как было показано мною в специальной работе, конструктивизм есть форма существования либеральной идеи в этнологии². Понимая, тем не менее, что либеральные коннотации сегодня непопулярны и могут скомпрометировать идею национального государства, Занд предусмотрительно отрекается от них:

“Образование полноценной нации возможно только при демократизации (а не либерализации, включающей в себя плюрализм и так далее). Именно демократизация даёт населению ощущение того, что власть – это выражение их самих, а не нечто инородное.

Иначе говоря, национализм и демократия – это два концепта, которые покрывают одно и то же явление. Тут важно правильно понимать, что мы понимаем под демократизацией. Подчеркиваю, это не либерализация и плюрализм, а именно демократизация, когда у людей возникает ощущение, что они и есть суверен своего государства. Если вы не даёте массам этого ощущения, вы не построите нацию. Это обязательная часть данного действия. ...Для ощущения себя нацией необходима, если хотите, иллюзия того, что государство принадлежит его народу, массам”.

Однако яснее ясного: включая в состав нации, помимо государствообразующего народа, различные этнические меньшинства, мы не только подменяем понятие собственно нации понятием согражданства, но и немедленно устанавливаем на практике тот самый либеральный плюрализм, от которого отрекаемся в теории. И тем самым переходим ту черту, за которой демократия “теряет своё приличное название”.

Прикрыться демократическими ценностями – стандартный ход для либерального мыслителя, поскольку граница между демократией и либерализмом условна и зыбка, и размежевание между ними легче декларировать, чем провести в реальности. Неудивительно, что вскоре Шломо Занд выдаёт себя не только как конструктивист и адепт глобализации (за пределами Израиля, разумеется), но и как либерал-космополит. Он выдвигает парадоксальную

¹ Там же.

² Критическому анализу данной концепции посвящено моё обширное эссе “Идолы конструктивизма”. “Вопросы национализма” №№ 10-11, 2012.

идею, будто “воображаемое общее прошлое или так называемая история”, а также “лингвистическое объединение, язык” служат вызовом “современному национализму”.

Его идеал на самом деле, разумеется, не только не националистичен, но, напротив, отчётливо космополитичен: “Один из немецких министров предложил, чтобы английский стал официальным языком единой Европы, дабы закрепить принадлежность Великобритании к Евросоюзу... Это очень разумное и логичное предложение для поддержания единства европейского бытия. Учащаяся европейская молодежь вся говорит по-английски, даже французы. Было бы естественным и разумным сделать английский общим языком Евросоюза... Я хорошо помню тот момент, когда Франция отказалась от франка в пользу евро. Это казалось невероятным, ведь франк для французов – это тоже серьёзный элемент их национализма. Так что я не исключаю, что со временем может произойти невозможное, и Франция согласится с общим английским”.

Всеевропейскость на первом этапе, как мы понимаем, непременно обернётся *всечеловечностью* на следующем. То есть антинационализмом. Но перед нами лишь мнимый парадокс. На самом деле, нет ничего удивительного в том, что для либерала и конструктивиста пропаганда национализма, в конечном счёте, неизбежно оборачивается призывом к отказу от национальной индивидуальности, воплощённой в истории и языке. (Легко представить себе, что аналогичные рекомендации в недалёком будущем прозвучат и для России. Собственно, они уже звучат, пусть и не слишком громко, а в ряде сфер жизни прямо-таки торжествуют, например, в рекламе и граффити.)

Космополит и глобалист (за пределами Израиля), Шломо Занд подчёркивает, что “широкое распространение интернета и спутникового телевидения делает массовые коммуникации трансграничными, что вызывает появление так называемых перекрещивающихся идентичностей”. Раздробление и размывание национальной идентичности (у европейцев, в первую очередь) – предмет особого удовольствия Занда:

“Я не устаю удивляться тому, как много замечательных тёмных лиц я вижу в Лондоне. Даже в Шотландии, когда я был два года назад в Глазго, со мной произошла такая уморительная история. После конференции я был приглашён в паб и, будучи очень уставшим и несколько пьяным, не мог понять языка, на котором со мной заговорил один смуглый молодой человек. Язык-то был шотландской версией английского, которую иногда понять не просто, и я сделал страшную глупость: спросил его, откуда он. Он посмотрел на меня с большим удивлением и спросил: “Что вы имеете в виду? Я шотландец”. И тут я понял степень собственной тупости: в самом деле, откуда он мог ещё быть с таким выразительным шотландским акцентом? И я смущённо задал другой вопрос: “Откуда ваши родители?” Они оказались из Пакистана, но он ощущал себя исключительно шотландцем. Это было восхитительно”.

Как характерно это восхищение злостным идиотизмом ситуации, при котором любой приезжий самозванец ничтоже сумняшеся может объявить себя “шотландцем”, “французом”, “русским”, а парализованные “собственной тупостью” либералы-конструктивисты будут лишь умилённо соглашаться с этим! Непонятно только, о каких “национальных государствах” можно будет вести речь, если все они наполнятся подобным “условно национальным” контингентом, отказавшимся от своей истории и языка и перешедшим на *пиджин-инглиш*!?

Думается в этой связи, что редакция “Эксперта” выбрала себе, мягко говоря, странноватого гуру для воплощения мечты о строительстве в России национального государства. Впрочем, что для национал-патриота кажется странным, вполне естественно для либерала.

Либералы за Русское национальное государство. Дмитрий Фурман

Ещё один радетель о России как о национальном государстве – Дмитрий Ефимович Фурман (1943–2011), доктор исторических наук, до 1991 года – ведущий сотрудник Института США и Канады, затем – главный научный сотрудник Института Европы РАН. Сторонник демократического движения (“для меня Горбачёв – великий политик, может быть, самый великий в русской истории”), восхищавшийся академиком Сахаровым и посвятивший ему юбилей-

ную статью к 90-летию. “Являлся настоящим советским демократом-интернационалистом” (Алексей Панкин), “абсолютным демократом” (Тогрул Джуварлы), в течение многих лет был известен как борец с русским национализмом и антисемитизмом, “антифашист” и всё такое прочее¹.

Как вдруг незадолго до смерти Фурман разразился статьёй с характерным названием “От Российской империи к русскому демократическому государству”², где написал, для меня довольно неожиданно:

“Россия должна быть переосмыслена как национальное русское государство. Это переосмысление может быть лишь очень трудным процессом, преодолевающим не только привычные имперские мотивы русского национализма и русского национального чувства вообще, но и инстинктивную русофобию либералов и демократов, боязнь всего, напоминающего о русском национализме, – вплоть до самого термина “русский”. Слова “Россия для русских” сейчас выглядят диким ксенофобским лозунгом. Но они должны быть констатацией банальной истины. Россия для русских – а для кого же ещё? Россия – для русских, Польша – для поляков, Украина – для украинцев, а Чечня – для чеченцев”.

Такой реверанс в сторону националистов не остался без вознаграждения. Не случайно Дмитрий Фурман оказался на рекламном буклете Русского гражданского союза в качестве одного из лиц-символов этой организации, лидер которой Александр Храмов открыто исповедует и проповедует именно национал-либерализм.

Какую же модель русского национального государства предлагает нам Фурман? Как он её обосновывает? Это понять тем интереснее, что многие вещи мы видим с ним одинаково, но оцениваем по-разному и выводы делаем разные.

Ну, обоснование Фурман даёт, прямо скажем, марксистское, вытекающее из известного “закона” о неравномерности развития, согласно которому все народы мира проходят через одни и те же фазы, но в разное время, своеобразно своей истории. Ввиду чего одни народы опережают другие на историческом пути, а другие отстают, но сам по себе путь – один для всех (подразумевается: тот, по которому идут народы Запада). Данный закон, на мой взгляд, не соответствует действительности, поскольку не все народы способны пройти одни и те же фазы, а некоторые проходят их совершенно иначе, учась на чужих ошибках. Модели бытия и развития в мире существуют во многих вариантах, и вовсе не все народы следуют одним путём. В то время как одни летают в космос и ищут альтернативу марксизму, другие вовсе не собираются расставаться с образом жизни каменного века. И т. д.

Но Фурман явно разделяет марксистскую концепцию и считает русских обычным европейским народом, только подзадержавшимся в пути и слепо плетущимся по следам народов более шустрых. Поэтому он пишет:

“В Европе произошла смена “энтелехий” развития. Национальное государство сменилось в этом качестве наднациональной европейской общностью. Россия – страна “догоняющего развития”, которая переживает в XXI веке процессы, пережитые другими странами в XIX – начале XX веков. Она вынуждена строить то, что в иных местах не только построено, но уже перестраивается. Для России национальное демократическое государство по-прежнему продолжает оставаться принципом развития”.

На мой взгляд, Европа благополучно движется к вырождению и вымиранию создавших её народов, к их тотальной капитуляции перед небелыми нехристианскими народами, сохранившими, в отличие от европейцев, витальные силы и тот образ мысли и жизни, который способствует выживанию в мире. “Догонять” Европу в этих обстоятельствах – значит *соватьсь поперёд батьки в пекло* – стремиться к смерти в обгон лидера этого “клуба самоубийц”. Что, на мой взгляд, вовсе ни к чему для русских и избежать чего можно только в одном случае: отказаться повторять подмеченную Фурманом “смену энтелехий” и ни в коем случае не переходить за грань национального государства – к некоей наднациональной общности. Тем более, что попытка такого перехода у нас не впереди, а позади: подобный контрпродуктивный

¹ Сын русского отца, он предусмотрительно сохранил фамилию и отчество отчима-еврея.

² Неприкосновенный запас, № 5, 2010.

эксперимент с русскими уже проделала советская власть, пытаясь превратить нас в “советский народ”, и кончилось это позорным, трагическим и очень поучительным крахом. Так что в данном случае не мы идём по стопам Европы, а она — по нашим, и для нас создание национального государства есть способ вернуться к нормальной, естественной и здоровой жизни, залечить наши раны и возродиться.

В инвективах Фурмана по адресу Российской империи и Советского Союза много верного, но мало нового (в частности, перед нами зачастую перепев нашумевшей книги В. и Т. Соловей “Несостоявшаяся революция”). Фурман находит нашу экзистенцию дефективной (“Российская Федерация — и не реальная демократия, и не национальное русское государство. Это остаток, “огрызок” российской и советской империи, скрепляемый имитирующей демократию авторитарной властью”) и пытается вывести из критического анализа русской истории некий новый императив для государственного строительства. Он, как и Шломо Занд, ставит в упрёк России и русским недостаточную интегрированность нерусских народов и территорий, с одной стороны, а с другой — имперский шовинизм и недемократический подход к правам иностранцев: “Лозунг “Россия для русских” не подразумевал “Польшу для поляков”, не говоря уже об “Украине для украинцев” — и Польша, и Украина — тоже Россия и тоже для русских. Иначе говоря, русский национализм одновременно желал взаимоисключающих вещей: национального русского государства и сохранения империи... В Советском Союзе... русский национализм снова стремится к чему-то невозможному — к превращению многонационального СССР, скрепляемого коммунистической идеей, в откровенно национальное государство русского народа”.

Фурман правильно подчёркивает тот факт, что при советской власти “русский национализм оказывается в изоляции. Для всех демократически настроенных граждан он есть пугало, *цепной пес реакции*. Антилиберализм и антидемократизм русского национализма вновь делают русский либерализм и демократизм “антинациональными”. Русофильский антидемократизм опять порождает русофобский демократизм... Когда горбачёвская перестройка перешла в распад Советского Союза и антикоммунистическую революцию, освободительные движения всех советских народов приобрели национал-демократический характер. Векторы антикоммунизма, демократизма и национализма для них совпадали; только у русских они расходились в разные стороны”.

Фурман находит принципиально неизбежным расхождение национализма и демократии в условиях реальной России: “Опыт двух неудачных попыток демократизации (в 1917-м и 1991 годах) свидетельствует о том, что как только в России начнётся новое движение к демократии (“третья попытка”), тут же вновь выйдет на поверхность сепаратизм нерусских народов. Подлинно демократические выборы во входящие в Российскую Федерацию национальных республиках, при которых не выдвигалось бы требование независимости, просто непредставимы... Вполне возможно, что возникнут и какие-то сепаратистские или автономистские движения в русских регионах, естественно, более слабые и менее мотивированные, но тоже вносящие вклад в общую дестабилизацию. Тот хаос, который вырвался на поверхность на рубеже 1980-х и 1990-х годов, а затем был загнан вглубь авторитарной властной вертикалью, вновь выплеснется наружу”¹.

Это противоречие непреодолимо, оно является “встроенным”, структурным: ведь “полный отказ от идеи федерации и от национальных республик нереален, а возможности московского контроля над республиканскими элитами ограничены”.

Какой выход из создавшегося положения предлагает Фурман? Полный отказ от рудиментов империи: “Потеря мини-империи есть обретение “нормального” национального русского демократического государства”.

Фурман противопоставляет — и правильно! — национальное государство империи. Положим, отказ от имперских притязаний — не новость для русско-

¹ Не могу не согласиться с этим прогнозом Фурмана; в частности, на примере того же РГС, НДП и лично А. Храмова хорошо видна взаимосвязь чрезмерного увлечения демократией — и продвижения русского сепаратизма и автономизма, лицемерно прикрывающихся принципом федерализма.

го националистического дискурса, начиная с середины 1990-х годов. Но при этом Фурман обходит главный вопрос: каковы должны быть оптимальные границы “нормального” русского государства? Какова будет его конфигурация на географической карте?

Тут Фурман ничего не предлагает напрямую (касаться данной темы небезопасно), но косвенно ответ в статье содержится. В частности, он усматривает “зёрна будущего синтеза... русского и демократического” в том “единодушии демократов и националистов (нерусских. — А. С.), сплотившихся в борьбе с союзным центром”, который мы наблюдали накануне развала СССР. И который, в частности, воплощался “в идеалистических проектах радикальных демократов рубежа 1980-х и 1990-х годов (“Конституция Андрея Сахарова”), предполагавших право автономий на независимость и, следовательно, превращение “остальной” России в национальное русское государство”.

Вот это создание кургузой, со всех сторон обкорнанной, но зато о-очень демократической России по остаточному принципу (то есть нынешняя и так уже сильно сокращённая Россия минус национальные не только республики, но и вообще автономии) — это и есть, по всей видимости, рецепт русского национального государства (РНГ) по Фурману.

Фурман при этом правильно отмечает, что легитимность нового государства (“независимой России”) невелика, и что “оно не может восприниматься русскими как “национальный дом”, а его границы не рассматриваются как исторические и естественные. Вне России остались земли, преобладающе населённые русскими и по разным причинам переданные другим республикам”. Верно и другое его наблюдение: “Российская Федерация, осознающая себя преемницей царской России и СССР, не может не стремиться к особой, доминирующей роли на постсоветском пространстве. “Собирание земель” внутри России и борьба за включение бывших автономий во властную вертикаль сопровождаются “собираем” вокруг России постсоветского пространства и борьбой за подчинение бывших союзных республик. Это два аспекта единой политики, диктуемой самой природой нового российского государства — мини-империи, скрепляемой авторитарной властью”.

Но этой политике Фурман, записной либерал и демократ, понятное дело, не сочувствует. И даже не ставит вопрос о необходимости приведения границ России в соответствие с границами расселения русских, как ставим его мы, русские националисты¹. Понятно, что в данном пункте Фурман вошёл в антагонистическое противоречие с программными представлениями Русского движения, предполагающими в целом не сокращение, а расширение “русского пространства” в соответствии с картой компактного расселения русского этноса.

Фурман не задерживается на этом важнейшем пункте, возможно, ещё и потому, что вообще не считает принципиальным вопрос о границах РНГ. Ведь каковы бы они ни были, такое государство — лишь краткий переходный момент, который Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия и др. должны пройти более или менее одновременно, прежде чем вольются в единую Европу, где вопрос о границах якобы окончательно потеряет значение. Таким образом, РНГ — лишь временная неприятность на этом пути, обойти которую нельзя, но параметры которой не имеют существенного значения. Фурман пишет об этом предельно ясно и откровенно:

“Вообще избежать прохождения национально-государственного этапа, совершить прыжок из мини-империи в наднациональную общность, миновав этап национального государства, по-видимому, невозможно. Но это национальное государство не может утвердиться надолго. Догоняя других, Россия должна менять векторы развития. Национальное демократическое государство — это государство, которое может и должно войти в надгосударственную и наднациональную общность Европы”.

¹ Фурман совершенно правильно отмечает, что “поддержка русского ирредентизма подрывала бы суть российского государства как многонациональной мини-империи и исключала бы доминирование на постсоветском пространстве. Выбирая между такой поддержкой и хотя бы символическим признанием со стороны новых соседей своей руководящей роли, Россия безоговорочно предпочитает последнее”. Но он не ставит отказ от русской ирриденты в упрёк российской власти, да и сам ни слова не говорит в поддержку этой очевидно необходимой идеи и практики.

Фурман не особенно задается вопросом, зачем это нам, русским, надо и чем это для нас чревато. Ведь для него как присяжного либерала и демократа с его стандартной лестницей приоритетов это вопрос раз и навсегда решённый. Тут и обсуждать нечего, всё само собой разумеется:

“Вхождение в Европу — очень большая компенсация для народа, который, не умея выработать европейских форм политической жизни, всё же культурно ориентирован на Европу¹. Это положило бы конец русской боязни изоляции и русским мучениям самоидентификации (“европейцы мы или нет?”). И, поскольку вхождение России в Европу, вне которой оставались бы Украина, Белоруссия, Молдавия, немыслимо, это означало бы прекращение очень болезненного для русских, да и для народов этих республик процесса превращения их в настоящую “заграницу”.

Фурман предельно откровенен по поводу последствий такого шага: “Это будет концом российской истории — истории строительства, крушения и нового строительства империй, в которых русские возмещают своё бесправие тем, что во главе подавляющей другие народы власти стоят их представители. И это станет началом совсем другой истории — истории русских, живущих в общеевропейском доме в своей национальной квартире, как французы — во французской, шведы — в шведской, украинцы — в украинской”.

Фурман нисколько не озабочен по поводу “конца российской истории”, ведь русские получают пресловутую “компенсацию” в *общеевропейском доме*. Сразу вспомнился Шломо Занд, пропагандирующий отказ народов от национальной истории и языка во имя установления *всеевропейскости*...

Быть может, я согласился бы с Фурманом и Зандом, если бы не то очевидное обстоятельство, что Европа наших дней по сравнению с той Европой, с культурой которой мы себя традиционно соотносим, — есть истинно Анти-Европа! Когда-то Зинаида Гиппиус использовала при сравнении большевистской России с Россией дореволюционной образ перчатки, вывернутой наизнанку. Сравнение очень точное и очень уместное в данном случае: весь XX век Европу, как ту самую перчатку, выворачивали наизнанку. Её история последнего столетия есть трагическая история самопредательства, самоизвращения и — как следствие — вырождения. Так что тот русский, который с детства впитал в себя европейскую культурную, интеллектуальную, политическую традицию, в современных условиях просто обязан (во имя той самой традиции) позиционировать себя как антиевропеец! Чтобы не разделить упомянутый грех извращения и предательства Европы, который уже провёл европейцев через позор тотальной капитуляции и поставил на грань окончательной гибели. С такими европейцами, предавшими и продавшими наследие своих предков и лишь бездарно паразитирующими на его остатках, мы не хотим иметь ничего общего, мы — не европейцы...

Не стремиться в Европу, как в воронку тонущего “Титаника”, должны сегодня мы, русские, а грести что есть силы прочь от неё: вот как понимает свою задачу русский националист, желающий, чтобы русский народ жил в тысячелетиях, оставаясь самим собою! Взять у Европы то, что вывело её в своё время в лидеры прогресса, но решительно отбросить самую идею нашей европейской идентичности — вот что нам надлежит сделать, а вовсе не учиться “вырабатывать европейские формы политической жизни” (как хотелось бы Фурману и К⁰), которые уже довели Европу до позора и краха...

Брачный контракт Ходорковского для русских националистов

Яковенко, Занд, Фурман — теоретики, разработчики дискурса, пользоваться которым предстоит политикам-практикам. Они лишь открыватели “осознанной необходимости”, претворять которую в жизнь будут другие.

Неудивительно, что наиболее авторитетная и открыто политичная попытка сосватать националистов с либералами (точнее, сторговаться с национали-

¹ Весьма показательно, что в этом месте Фурман ссылается... на Путина: “Путин, при котором российский режим приобрёл совсем “неевропейские” формы, тем не менее, говорил, похоже, искренне: “Мы — часть западноевропейской культуры. И вот в этом наша ценность, на самом деле. Где бы ни жили наши люди — на Дальнем Востоке или на юге, мы — европейцы” (цит. по: От первого лица... С. 156). Анализировать здесь заблуждения Путина, выходя из наиболее вестернизированного края России, неуместно.

стами) была недавно осуществлена сидящим в колонии олигархом Михаилом Ходорковским, который через “Новую газету” выступил с открытой лекцией “Между империей и национальным государством. Национализм и социальный либерализм”¹.

Сиделец, признанный политический лидер либерального лагеря, методично раскладывает, однако, яйца по всем основным корзинам (недавно вот проникновенно написал о социализме), чтобы к своему выходу на сцену обеспечить себе поддержку основных политических сил. Очень неглупая тактика. Цель, конечно же, – президентская власть. С тюремных нар – на царский трон: нет лозунга и жребия популярнее в нашей бунташной стране! Российский Мандела...

Есть смысл остановиться подробнее на его проекте той самой доктрины либерального национализма или национального либерализма, созданием которой вынужденно озабочен сегодня весь лагерь либералов.

Основной пафос статьи Ходорковского – в формулировании условий, на которых русским националистам предлагается мир и сотрудничество.

Первым же абзацем Ходорковский делает сильный ход, бросая русским националистам самую вкусную, “сахарную” кость: “Суть переживаемого Россией исторического момента состоит в том, что империя как государственная форма себя полностью исчерпала, а национальное государство, которое должно было бы ей наследовать, так и не появилось на свет. Русское государство застряло на историческом полустанке, затерявшемся между империей и национальным государством, и не только не продвигается вперёд, но порою даже начинает двигаться вспять”.

Тем самым эзк-олигарх даёт нам понять, что принимает неизбежность возникновения Русского национального государства. То есть апробирует главный пункт повестки дня русского национализма. Лучшего пролога к предложению о сотрудничестве с нами он не мог бы придумать!

И такое предложение следует незамедлительно: “Одной из причин, по которой “наш бронепоезд” так долго “стоит на запасном пути” истории, является идеологическое недоразумение, вследствие которого русский либерализм не приемлет национализма, а национализм отрицает либерализм как одно из своих оснований... Всё это заставляет меня пристальнее посмотреть на соотношение либерализма и национализма, дабы попытаться изжить многие свойственные как русским либералам, так и русским националистам предрассудки”.

Итак, для того чтобы Россия двинулась вперёд, главным действующим лицам современной российской истории, сиречь либерализму и национализму, надо перестать третировать друг друга и заключить союз. Вот очевидный смысл сказанного.

Следующий шаг, логически оправданный, – манифестация доктрины “либерального национализма”. И тут главной приманкой для нас должны послужить уверения: “Либеральный национализм признаёт за каждой нацией право на построение собственной демократической государственности”. А чтобы успокоить тех своих адептов, кому заключать такой союз покажется неприличным, он уговаривает: “В конце концов, либералы исторически поддерживали право нации на самоопределение, вплоть до создания собственного государства, и нет никаких оснований отказывать в этом праве русскому народу”.

Ну, а далее следует главное: условия соглашения между ними и нами. Ходорковский, как и следует крупному дельцу, продвигающему выгодный контракт, сразу берёт быка за рога. “Какие варианты могут предложить либералы русскому народу?” – задаётся он деловым вопросом. И перечисляет:

- 1) единая и неделимая Россия в нынешних границах (“дальнейшее деление страны с целью защиты прав русского народа и отбрасывание “национальных окраин”, как это сделали в 1991 году, по всей видимости, не является выходом из положения”);
- 2) федеративное устройство России (“странным было бы учреждение самостоятельного русского государства внутри современной России. Это стало бы шагом назад к архаичной имперской структуре во времена, когда империи стали пережитком прошлого”);
- 3) решение национальных проблем и противоречий через “консенсусную демократию”, предусмотренную “нашей Конституцией” (“я вижу решение национального вопроса через развитие демократии и максимальное

¹ Новая газета, № 65, 15.06.2012 (<http://www.novayagazeta.ru/politics/53088.html>).

использование тех возможностей, которые она предоставляет для разрешения подобного рода коллизий. В Конституции заложены латентные механизмы, способные снимать накапливающиеся противоречия между положением титульной нации и национальными меньшинствами”);

4) “расширить полномочия Государственной думы, состав которой по определению опосредованно отражает основные пропорции социального и национального состава избирателей. В этом случае именно Государственная дума являлась бы органом, выражающим государственное единство русского народа и действующим с учётом мнения представителей остальных народов, входящих в состав России. Конечно, регламент такой Государственной думы должен быть скорректирован таким образом, чтобы учёт мнения меньшинства стал обязательным... С практической точки зрения положение, когда Парламент лишён большей части властных полномочий, — это не только фактическое умаление демократии. Это и есть ограничение русской национальной государственности в пользу наднациональной, автократической бюрократии, сформировавшей исполнительную вертикаль”;

5) “Одновременно Совет Федерации, создаваемый на базе регионального представительства, стал бы тем, чем он изначально должен был быть, — органом обеспечения равенства всех наций в составе федерального государства, который призван сбалансировать естественное неравенство, создаваемое пропорциональным представительством в нижней палате Парламента”;

6) “Федеральное правительство в такой ситуации, наконец, стало бы, как это принято в мире, финансово подконтрольным Парламенту, обеспечивающим исполнение найденных в Парламенте компромиссных решений, в том числе в области национальной, экономической и социальной политики”.

Вот таким видится Ходорковскому макет будущего Русского национального государства. Ничего общего, кроме усиления роли Парламента, с идеей такого государства этот макет не имеет (сужу об этом как руководитель авторского коллектива юристов, создавшего ещё в 1998 году проект Конституции России именно как русского государства). А во многом и противостоит ему. Ни неизбежность нынешних несправедливых границ; ни федеративное, вместо унитарного, устройство; ни излишняя в национальном государстве верхняя палата Парламента, позволяющая национальным меньшинствам контролировать русское большинство, нам ни к чему. Минутя подробности, скажу о главном.

Истинную сущность своего макета “русского государства” Ходорковский выразил так: “Разрешение национального вопроса в России в стратегической, глобальной перспективе возможно только в рамках построения по-настоящему демократического, то есть истинно национального государства, в котором реально работающая система разделения властей позволяет гибко защищать интересы русской нации, не ущемляя прав других национальностей” (выделено мной. — А. С.).

Не будем обольщаться риторикой. Как мы знаем, “национальным государством” — *nation-state* — либералы признают даже США с их диктатурой меньшинств всех сортов под маской “настоящей демократии”. Так что тут нам обманываться не приходится. “Русское государство” Ходорковского на деле будет обычным “государством для всех” по американскому образцу, где на месте нации (русской в нашем случае) утвердится простое согражданство, а хозяином дома станет олигархический интернационал.

Запрягая телегу демократии впереди лошади национализма, Ходорковский выдаёт себя с головой. Становится понятным его недовольство тем, что “в либеральной среде” бытует “ощущение моральной неприемлемости взаимодействия с людьми, придерживающимися национально-демократических взглядов”. Ведь на горбу именно этих доверчивых людей — русских НД — он рассчитывает въехать в рай своей мечты¹.

Что будет потом — гадать не надо. Ведь в том же тексте есть и конкретика.

¹ Как показывает опыт, педалирование демократической составляющей в концепте национал-демократии неизбежно приводит к либерализму либо анархизму — и, соответственно, к минимизации националистической составляющей, а то и вовсе к национал-предательству.

Острый крючок под аппетитной наживкой

Вначале открою секрет. Главная причина, почему Ходорковский готов согласиться на русское национальное государство, состоит в его тайной убеждённости в том, что никаких русских на самом деле нет. Как нет и наций вообще. Да и национальность человека – всего лишь вопрос его субъективного выбора. Вот цитаты, говорящие сами за себя:

1. “Надо, прежде всего, разобраться, что мы понимаем под “нацией”. Одни рассматривают нацию, прежде всего, как культурную общность... Другие, напротив, полагают более значимой политическую или гражданскую общность вне зависимости от этнической и культурной принадлежности. В их представлении нация – общность “граждан”, то есть своего рода политическое объединение. Очевидно, что истина находится где-то посередине... Нация есть социальная общность, основанная на единстве как культурных, так и политических ценностей”.

Предлагая нам ложный выбор между “культурной” и “политической” общностью, Ходорковский только запутывает всё дело. Понятно, что его “безнациональная нация” – это типичное “воображаемое сообщество”, чьё единство скреплено не чем-либо реальным, а лишь фантомами индивидуального сознания. Оно ничего общего не имеет с настоящей нацией, то есть с этнонацией.

2. “Говоря о русских, переживших многовековое иноземное нашествие, гражданскую и две мировые войны, в ходе которых целые народы перемещались по континенту, рассуждать об “этнической чистоте” было бы совсем неуместно”. Типичная для полукровки мысль, расхожий, излюбленный, но фальшивый козырь еврейской пропаганды.

3. “В целом, по мнению либералов, люди выбирают свою национальную принадлежность пусть и не всегда самостоятельно (чаще это делают их родители). Но тем не менее, это именно выбор, который может быть изменён по воле человека”. Ещё одна типичная для полукровки мысль, абсурдная в своей основе (“мы то, что мы сами о себе думаем”).

Исходя из этих установок, Ходорковский формирует своё предложение нам, русским националистам – наживку, на которую мы должны клюнуть, как он считает. Однако мы именно этого-то делать и не должны, и вот почему.

Во-первых, в этом государстве, русском только по имени, у русских не будет никаких преимуществ. Не будет их и у других коренных народов России. Пресловутые права человека получают верх над правами гражданина: “При внимательном рассмотрении важнейшими, системообразующими элементами современного либерального национализма оказываются приоритет прав личности, отражённый в доктрине прав человека, вера в равноценность людей, независимо от их расы, вероисповедания, социального статуса и национальности, то есть сугубо либеральные ценности. Отсюда логически следует признание равенства наций (!) и отказ от этнической доктрины (!), когда принадлежность к нации определяется по признаку крови”.

Во-вторых, это будет государство мультикультурное, по типу современной Франции, Голландии, США и т. д.: “В связи с либеральным национализмом необходимо упомянуть и о поликультурализме (мультикультурализме) – интеллектуальном движении, возникшем во второй половине XX века и призывающем к сохранению, развитию мультикультурности существующих государств, к уважению культурных особенностей составляющих их народов. Либерализм признаёт этот подход (!) в силу собственной позиции о праве выбора человеком своей культурной идентичности”.

В-третьих, это будет государство, окружающее иммигрантов самой трогательной заботой и покровительством, идеальное для них. Необходимость этого чисто популистски объясняется стремлением насолить чиновникам: “Реальные успехи в привлечении (!) образованных иммигрантов, в повышении образовательного и культурного уровня вновь прибывших (!), в предоставлении им возможностей для интеграции в российское общество (!) лишили бы бюрократию и сотрудничающий с ней бизнес рабского трудового резервуара, ликвидировали бы удобный громоотвод для общественного недовольства”.

Каким лицемерием на фоне этой заботы отдаёт следующий пассаж: “На протяжении многих лет, несмотря на все красивые лозунги о модернизации, власть последовательно выпихивает из страны активных, образованных молодых людей, создаёт неприемлемую среду для возвращения тех, кто получил

хорошее образование за границей и желал бы жить и работать в России”. Вопрос на засыпку: остановит или подстегнёт бегство русской интеллигенции за рубеж “привлечение образованных иммигрантов” и усиление их “интеграции в российское общество”?! Ясно, что если это и впрямь будет так, то и последние русские побегут из опаскудевшей России, окончательно предоставив её на съедение инородцам. А Россия наконец-то превратится в желанный для либералов аналог США, где проживает “нация иммигрантов” (Джон Кеннеди).

Впрочем, для ходорковских понятие “инородец”, как известно, не существует. Ведь их незабываемый, “базовый” постулат прост: “Фактическое, а не декларативное равенство прав людей, легально остающихся в России и желающих интегрироваться в нашу культурную среду”. Итак, да здравствует Россия – Новый Вавилон!

В-четвёртых, это будет государство не только федеративное (что само по себе естественно для русских, самоопределившихся на всём пространстве России), но и максимально децентрализованное: “Конституция, закрепив федеративное устройство, тем самым закрепила за субъектами Федерации право самим определять свою судьбу. В основании бюджетной пирамиды должны лежать полноценные бюджеты субъектов Федерации и производный от них федеральный бюджет”.

Делец и либерал Ходорковский знает, что говорит: свобода имеет денежный эквивалент. Предоставить регионам самим формировать свой бюджет – и федерация неизбежно, быстро и необратимо превратится в конфедерацию, а там и распадётся на куски. Мы уже проходили это на опыте СССР.

В-пятых, залогом именно такого развития событий являются строки, как будто списанные Ходорковским у Алексея Широпаева, известного национал-анархиста, мечтающего об уничтожении всякой центральной власти в России: “Таким образом, федеральная исполнительная власть выступает в качестве оккупационного режима: собирая не налоги, а дань, то есть не неся никакой ответственности перед своими “подданными”.

Послушать этих господ, так русский народ вообще всю свою историю пребывает под оккупацией собственной власти и лучше бы ему её никогда не иметь. А коль скоро она всё же существует, то надо поскорей от неё избавиться.

И вот всё ЭТО нам предлагается принимать за Русское национальное государство? Даже не смешно. . .

Но нужно ли нам такое “русское государство” а-ля Ходорковский? Приемлемы ли такие условия компромисса, которые предлагает он нам? Я думаю, нет.

Опубликование лекции Ходорковского ясно показало, что либералы и рады бы взяться за ум, да не могут перешагнуть через себя. А значит, наш “брак по расчёту” никогда не сможет состояться.

Редакция приносит извинения читателям: в № 8 за 2013 год произошла техническая ошибка. В письме Михаила Вишнякова (“Письма, переполненные жизнью”) на стр. 133 в конце 3-го абзаца вместо слов “. . . в напечатанных ранее, в том числе в “Свободной стихии” должно быть: “в наполненной звёздами мгле”.